

В. Н. Дуденков

РУССКАЯ ИДЕЯ И КОСМИЗМ

Русская идея вновь волнует умы россиян. Это и понятно: Россия стоит перед очередным историческим выбором. Социально-политическое самоопределение страны детерминирует размежевание не только политически активного населения, но, думается, подавляющего его большинства.

Споры о национальной идее будут злободневными до тех пор, пока наше отечество не обретет тот путь, который поддержит большинство его граждан и который объединит их. Общенациональная объединительная идея такой страны, как Россия, несомненно, имеет и всемирно-историческое значение. Ее смысл и способы реализации не могут быть безразличными для мирового сообщества.

Русская идея в общем виде — это путь движения страны, способ ее существования в настоящем и будущем, это и «далекая» цель ее развития. По своему объему она общенациональна. И как таковая, являет собой идеал для всех народов, населяющих Россию, их вековую мечту о благосостоянии, справедливости, добре и красоте.

Русская идея, как великая национальная идея (цель, мечта, идеал) вызревает в недрах народа, зависит от родовых черт национального характера — менталитета, как сейчас говорят — специфики его исторического развития и религиозной веры.

Как всякая идея такого масштаба, она имеет свои особые истоки, время созревания и развития. Не касаясь этих второстепенных для данной статьи вопросов, следует, однако, отметить, что русская национальная идея в точном смысле — ее полном виде — сложилась в период возникновения российской нации и российской государственности. Появление национальной идеи, понятной, доступной большинству людей, разделяемой ими, свидетельствовало о мощном национальном самознании народов, составляющих нацию, т.е. о понимании и приятии принципов общественного бытия, государственного уст-

ройства, духовной жизни, а также целей и путей исторического движения нации.

Русская идея не оставалась статичной. Она постоянно уточнялась духовными воителями нации, развивалась ими, впитывая чаяния и упования простых людей.

Коренной пересмотр национальной идеи, ее кардинальное переосмысление, вообще говоря, невозможны в рамках данной нации. Замена национальной идеи невозможна потому, что для этого должен измениться состав нации, ее история. Смена общественно-политического строя не меняет глубинного смысла и содержания национальной идеи, ибо, как показывает история, подобного рода историческая трансформация в подавляющем большинстве стран происходит эволюционным путем, постепенно, в течение длительного исторического периода, на протяжении которого в нее вносятся необходимые поправки и дополнения. Изменение же общественно-политического порядка революционным или насильственным путем ведет по необходимости и к насилию над национальной идеей, ее грубейшему искажению и попранию. Причем, прежде чем произойдет идейно-духовная контаминация, определенные политические силы стремятся осуществить насилие над многими представителями нации, т.е. пытаются в исторически короткий срок «пересоздать» человека, сформировать «новую личность», коей и вменить — навязать «новую», искусственно сфабрикованную идеологию. С помощью последней и насилуют вековую идею нации. Как показала новейшая история России, подобного рода рискованные упражнения с народом и его идеей добром не кончаются: они отбрасывают нацию и его духовную жизнь далеко назад. И тогда вновь возникает вопрос о сущности национальной идеи и способах ее воплощения.

Крушение коммунистической диктатуры в нашей стране определило взрыв интереса россиян к вопросу о национальной идее.

О ней много пишут и еще больше говорят. Изданы самые крупные труды, посвященные осмыслению этой проблемы. Наиболее глубоко вопрос о русской идее был разработан в произведениях классической русской философии, начиная с Вл.С.Соловьева и кончая А.Ф.Лосевым, т.е. в работах мыслителей, живших в переломный для судеб России исторический момент.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА, 1988

Основополагающие мысли в общем определении русской идеи высказал родоначальник философии всеединства Вл. С. Соловьев. По его размышлению, национальная идея должна быть замешана на религиозной основе, поскольку именно религия формулирует вечные истины. Ведь главная идея, с которой нация обращается к себе и всему миру, не объективация ее горделивого самомнения, не духовные и социально-исторические амбиции, всегда преходящие и изменчивые. Национальная идея, полагал Соловьев, должна опираться на истины «внешние» по отношению к нации, вечные, непреложные, вневременные. «Мы поищем ответа в вечных истинах. Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».¹ Национальная идея — это замысел Бога о том или ином народе. В то же самое время, писал Соловьев, национальная идея не есть идея национальной ограниченности или национальной исключительности. Поскольку каждый народ, каждая нация есть часть человечества, мирового сообщества, связанная непрерывными узами с другими народами и нациями, постольку национальная идея есть идея всечеловечности, общечеловечности и «...ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или иную нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея, первично установленная в плане Бога».² И, наконец, третий принцип, с позиций которого Соловьев осмыслил русскую идею, это принцип всеединства как самый конкретный и исторически реальный. В этом смысле русская идея предстает как исторический долг России по отношению к себе и другим народам мирового сообщества. Этот долг «требует и признания нашей связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных единств: церковь, государство и общество безусловно свободно и державно не в отъединении от двух других, поглощая и истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ним. Восстановить на Земле этот верный образ божественной троицы — вот в чем русская идея».³

Е.Н.Трубецкой, посвятивший немало страниц своих трудов русской идее, упрекал своего учителя за то, что тот русскую идею представил как идею православную и отождествил с идеей вселенской, мировой.⁴ Однако данный упрек вряд ли справедлив, он бьет мимо цели, ибо Соловьев вовсе не стремился подменить вселенскую идею русской, православной, и тем самым, якобы, объективно подчеркнуть ее исключительность. Великий философ, как известно, ратовал за историческое воссоединение основных мировых религий. Только будущая единая мировая религия предстанет как абсолютная истина, объединяющая мировое сообщество и ведущая его в вечность. Однако в размышлениях Трубецкого о русской идее можно усмотреть важное предостережение об опасности подмены всемирной идеи идеей националистической, что, как он справедливо полагает, приведет к национальной исключительности (именно в этом духе подают русскую идею современные национал-патриоты). Национальная идея — это долг и историческая миссия того или иного народа по отношению к другим народам, духовно-культурный вклад в развитие мирового сообщества в движении к его окончательному объединению. Миссионизм такого рода вполне может быть трансформирован в мессианизм, когда национальная идея утверждается единственно верной, мирообъемлющей, исключительной. Именно такая бездоказательная подмена имела место в лозунге монаха Филофея о Москве как третьем Риме. В этой идеологии русское православие квалифицировалось как единственно истинная вера, православное истолкование Бога объявлялось абсолютно верным, а «творец Вселенной единый Бог представлялся русским Богом». Мессианизм, считал Трубецкой, не только не способствует прогрессивному развитию русского народа, но и затмевает вселенскую идею. Но именно такой мессианизм был абсолютно чужд Соловьеву.

Не должно и не может быть навязано другим народам и всеединство как общее выражение русской идеи. Но в силу своей всемирности, космичности, обогащенности высшими достижениями духовной культуры многих народов, всеединство может быть предложено и другим народам. Россия как великая страна с уникальной духовной культурой имеет право обращаться к народам мира с идеей всеединства, питая надежду не только на ее восприятие, но и обогащение духом этих народов. Этот аспект подчеркивал Л.П.Карсавин в работе «Восток, Запад и русская идея». Он отмечал, что всеединство нельзя

мыслить как безразличное единство всех народов или такое же единство их под одною только церковною властью. Тогда оно не будет всеединством. Его необходимо мыслить по аналогии с живым организмом. «...надо исходить из сознания особого смысла и особого значения каждого из органов в качественности своей необходимости для целого... нельзя создать единство человечества путем уничтожения культурных, национальных, религиозных и других особенностей».⁵

Русская идея не отторгает идей других народов, а призывает к сотрудничеству народы мира. Н.А.Бердяев писал в связи с этим, что русская идея есть «идея коммюнитарности и братства людей и народов».⁶ Каждая национальная идея имеет свои преимущества (например, прагматизм «американской мечты»), основное же преимущество русской идеи — универсальность, по причине чего она приобретает эсхатологический характер, принимающий форму «стремления ко всеобщему спасению».⁷

II

Русская идея разрабатывалась на различных уровнях: религиозном, научном, художественно-эстетическом, на уровне здравого смысла. Самая глубокая и всесторонняя разработка была дана в философии русского космизма. В центре этой философии как раз и стала проблема всеединства.

Космизм, или универсализм, исходил из представления о человеке как существе, обладающем универсальностью внутреннего содержания, открытостью людям, истории, бытию, вселенной, Богу. Космизм — это философия жизни, смерти и бессмертия человека и вселенной, земного и неземного в их неразрывном единстве. Это философия поисков и обретений высшего смысла бытия вообще, это философия надежды и спасения.

Русский космизм сложился в конце XIX — начале XX в. и по своим корням является философским осмыслением возможной национальной и всемирно-исторической катастрофы во имя поиска выхода из нее. Он вырос на переживании уникальности бытия, хрупкости истории и человеческой судьбы, тревоге за жизнь человечества. Космизм в известной мере завершил концептуальную разработку русской идеи, обосновав всеединство как ее центральный момент. Космисты исходят из убеждения, что человечество живет не просто на «изломе времен», но является свидетелем исчерпания исторического времени, его по-

тенциала, невозможности продолжения истории в рамках времени, непреложности возвращения человеческой истории в лоно вечности. По мнению С.Н.Булгакова, на рубеже XIX и XX веков человечество воочию убедилось в «великой неудаче истории». Но самая неудача бесплодна, ибо она повелевает ему обратиться к себе, к Богу, чтобы выйти за пределы истории, обрести смысл, войти в «историю вечную».

В предчувствии кровавых событий, связанных с революциями и мировой войной, русские философы обратились к двум, по их мнению абсолютным «безосновным основам»: бездне внутреннего мира человека и бездне космоса. Именно русским ученым и философам выпала судьба не просто продолжить размышления над укорененной в глубокой древности проблемой «человек — космос», но осмыслить ее на качественно новом уровне, поставив в прямую зависимость от ее решения судьбу человека и человечества. Русские философы попытались проанализировать связь двух миров. Жизнь не ограничена земным домом, поэтому выход следует искать в единстве (синтезе) человека и космоса. При этом космос понимался не как физическая данность, а как духовная бесконечность, вечность и бездна, как обиталище Бога. Человек же — это творение Бога, существо духовно-творческое, бесконечное в своем внутреннем духовно-душевном измерении. «...то, что называется человеком... есть неизмеримо большее и качественно совсем иное, чем клочок мира: это есть внешне закованный в скромные рамки скрытый мир великих, потенциально-бесконечных хаотических сил».⁸ Божественный космос не только не может быть объяснен без человека, но он нуждается в человеке. Человек как «живая сущность», заключающая в себе Бога, является подлинной субстанцией бытия. И как таковая — Божественная! — человеческая личность является космическим феноменом. Гулыга прав, полагая, что «космизм» был рожден стремлением взглянуть на жизнь человека как на космическое событие».⁹

Взгляды религиозных космистов развивались в русле метафизики всеединства. Целью космическо-онтологического процесса, писал Карсавин, является преобразование историко-человеческого процесса в космическо-божественную гармонию, достижение единства мира и того, что вне его.¹⁰

Исследователи сходятся в том, что Вл.С.Соловьев не только возродил в мировой философии метафизику всеединства, разработанную буддистами, платониками и неоплатониками, но и

развил ее под наименованием «положительного, истинного, абсолютного всеединства». Всеединство обозначает идеальный строй мира, в котором осуществлена принципиальная воссоединенность и гармонизировать в Боге всех эмпирически согласованных элементов и стихий бытия. Всеединство — это мир, вбирающий в себя всю множественность его проявлений, всю полноту божественности, это мир, в котором соперничество разрозненных областей человеческой реальности преобразуется в органическое единство. «Только положительное... всеединство может быть подлинной и полной истиной. Поэтому истина есть, истина есть все и истина есть единое». ¹¹

В метафизике всеединства Соловьев опирался на глубинный смысл христианства. Христианство воссоединяет мир сначала в Христе, а потом в человеке в течение всей истории. Мир лежит во зле. «Суть мирового зла состоит в отчуждении и разладе всех существ, в их взаимном противоречии и несовместимости. Но в этом же самом состоит и бессмысленность иррационального бытия мира. Мы называем бессмысленным все то, что ни с чем не вяжется и не ладится, что всему противоречит и ни с чем несовместимо. Итак, злое и бессмысленное в сущности одно и то же». ¹² Смысл же мира, убеждал Соловьев, в противоположном: во всеобщем примирении и ладе. Мир есть согласие и космос (порядок). Однако, нельзя сказать, что в мире нет смысла. Он есть, он пробивается через бессмыслицу. Этим всеобщим смыслом и является всеединство.

Начало пути к всеединству — не осознание идеи всеединства, а действие, которое проявляется прежде всего в любви, как деятельной силе, победе духа над материей, одухотворении плоти. Такое активное богодействие Соловьев назвал теургией. «Эта теургия есть свободное и деятельное пересоздание себя самим человечеством из плотского и природного в духовное и божественное». ¹³

В «Чтениях о Богочеловечестве» автор метафизики всеединства отмечал, что конечной целью человеческой истории является безусловное единение (абсолютное всеединство). Частью последнего у Соловьева является социальный проект православно-католического единства, изложенный в концепции «свободной теократии».

Ученики Соловьева в начале XX столетия на основе метафизики всеединства разработали главные идеи религиозного космизма. Акцент был перенесен с теологии и софиологии в сферу

антропологии, на учение о личности как онтологическом принципе универсума, соизмеримом с Богом. Человек есть первоисточник и абсолютный носитель исторического процесса. Космисты отвергли возможность построить гармонический социум посредством революционных изменений социальных отношений и норм. Именно личность является источником социальной гармонии и совершенства. Именно в ней клубок социальных противоречий сплетается в иррациональный узел, поэтому сначала следует наладить гармонию внутри человека и только тогда распространить ее на внешний мир. Кроме того, личность является космическим феноменом в силу присущей ей теургической мощи. Теургия, конкретизировали космисты, есть действие Бога-в-мире, совершаемое в человеке и через человека, а также содействие человека божественному творчеству, ответственность человека за состояние универсума. Однако теургическая мощь в полной мере актуализируется лишь после преобразования человека в «абсолютно-ценную личность». Преобразование личности — это приобщение человека к единой духовной сущности, заложенной в человеке, но до определенного времени не востребованной. Преобразование человека — это Богоявление. Постигание своего внутреннего мира, проникновение в его метафизические глубины позволяет человеку проникнуть и в сокровенные тайны вселенной, ибо внутренний мир человека целиком пронизан запредельным, божественным миром, трансцендентностью, которая оживляет и одухотворяет нас. Связь с миром, писал С.Л. Франк, достигается самоуглублением: волей, верой, свободным самоопределением, самоотречением, покаянием. «Чем глубже человек уходит внутрь, тем более он расширяет и обретает естественную и необходимую связь со всеми остальными людьми, со всей мировой жизнью в целом».¹⁴

В процессе человеческого единения огромное значение русские философы придавали силе молитв, любви, духовных подвигов, имеющих космический масштаб.

Именно в самоуглублении, направленном на осуществление божественной коммуникации и преобразование человека, космисты усматривали первую ступень теургии — антропоургию, цель которой — собрать Я, объединить человека, создать абсолютную личность как существо космически значимое, уникальное, божественное, способное выйти из бездны личности в бездну божественного космоса.

Философия религиозных космистов была направлена и на поиски единства человека с человеком и миром. В теургическом акте сочетаются действия Бога с космической стихией и естеством человека, что и составляет предпосылку Богочеловечества. Это всемирно-историческое и вселенски-космическое единство осуществляется, как показали космисты, посредством таких теургических модификаций, как софиургия и космоургия.

Софиургия есть достижение единства мировой истории и социального процесса («соборность»). Флоренский утверждал, что антропоургия «водворяя мир в душе человека, способствует умиротворению общества и вселенной».¹⁵ В софиургическом процессе участвует не только история, не какая-то часть сотворенного мира, но вся вселенная, весь космос. Проникновение в божественный смысл мировой космической жизни, воссоединение с ней есть космоургический процесс. Через это единение происходит усовершенствование и космоса, и человека. Космоургия есть единение человека с Богом, возвращение некогда отпавшего от Бога человека в состав божественного бытия («вселенскость», «богочеловечество» как подлинное человечество).

«Теургическое беспокойство русской мысли» (В.Зеньковский) распространялось и на метаисторию. Космисты были убеждены, что судьба человеческая неразрешима в пределах истории, она получает окончательное решение «во вневременном, в вечности, во всеединстве за пределами истории».¹⁶ Человеческая история в конечном итоге вновь вливается в «небесную историю». Космизм, таким образом, соприкасается с эсхатологией как учением о подлинном исполнении истории и бытия.

Русские космисты наполнили русскую идею всечеловеческим, вселенским смыслом, обогатили и конкретизировали ее.

III

Учение о всеединстве как центральном моменте философии космизма выразило положительные черты и возвышенные чаяния русского народа, его национального характера. Но в характере каждой нации существуют и изъяны. Они, несомненно, были и есть и у русского народа. Впрочем, необходимо заметить, что некоторые из них являются абсолютизацией вполне понятных упований народа.

Русская нация в течение тысячи лет воспитывалась на православных ценностях. Уже самое наименование «русской веры» свидетельствовало о солидном самомнении русских. Огромные жизненные пространства, занимаемые русскими, также немало способствовали этому горделивому самомнению. Быть может, географическим фактором определялась и присущая русским теллургическая мистика, согласно которой земля есть божье достояние, принадлежать она должна всем и, следовательно, никому. Таким образом, русский мессианизм есть порождение национального самомнения; огромные пространства, заселенные миллионами людей, — разве это не подтверждение исключительной исторической миссии россиян? Русский народ может и должен привнести в мир правду и справедливость.

«Обеспокоенность» миссионерскими обязанностями привела к забвению и пренебрежению конкретной человеческой судьбой. Русскому человеку зачастую некогда было заняться устройством своей жизни — все силы духа были направлены на «внешнее» устройство. Государство как наднародный орган занималось прежде всего наведением внешнего принудительного единства, решением «общих» проблем, до конкретного человека государству также дела не было.

Неустроенность русской жизни компенсировалась коллективными фантазиями, мечтанием о всеобщей справедливости, благе, красоте и добре. Она определяла и беспомощность в постепенной перестройке социальных форм жизни. В русскую идею проникло чувство нетерпения, которое на «мирском» (обыденном) уровне трансформировалось в убеждение возможности скорой («чудесной») трансформации земной юдоли в «царство небесное», немедленного идеального мироустройства. Этим во многом объясняется терпимость к рискованным социальным экспериментам со стороны государственных лидеров в разные исторические эпохи.

Издержки национального характера, историческая толерантность подготовила приход коммунистов. Коммунизм, таким образом, не был абсолютно случайным, извне навязанным учением. Коммунисты сознательно и бессознательно учитывали эту готовность «мирского духа» к восприятию коммунистических идей. Тоталитаризм православия подготовил почву для коммунистической идеологии, быстро принявшей характер «светской» религии.

Как самодержавное государство мало пеклось о внутреннем

комфорте человека, так и коммунисты уповали лишь на насилие и внешнее принудительное единство. Однако, если самодержавие вкуче с православием могло надеяться «в веках» решить главные жизненные проблемы народа (о чем, к примеру, свидетельствуют реформы самого цивилизованного государя России Николая I), то коммунисты во главе с Лениным обещали в мировом масштабе решить все жизненные проблемы сразу в ближайшие десятилетия. Это и есть главное свидетельство искажения русской идеи коммунистической идеологией. По словам Н. Бердяева, ленинское учение о государстве есть извращение идеи социального всеединства.

В извращение русской идеи вполне вписывается и марксистское представление о предшествующей истории как предыстории. Если русские космисты утверждали, что в рамках человеческой истории не могут воплотиться человеческие упования, то коммунисты были уверены, что именно коммунистическая эпоха — время решения вековых идеалов человечества. Если русская идея как идея всеединства — общечеловечна по форме и содержанию, то идеология коммунизма есть логическое продолжение национального мессианизма с его утверждением особого исторического пути России.

Другим элементом, извращающим учение о всеединстве, является коммунистическое учение о пролетарском интернационализме.

Космические устремления русского народа превратились у коммунистов в социальный титанизм: соотечественникам годами вдалбливали мысль о том, что коммунисты способны не только идеально обустроить социальный космос, но и «переделать» природу и завоевать всю вселенную. (Попыткой поэтического отображения этого бреда были некоторые произведения В. Хлебникова и С. Есенина, ошибочно трактуемые иногда как космические). Коммунистический титанизм в любой сфере полностью исключает антропокосмический синтез, он является убедительным выражением безоглядной деструктивности и насилия, свойственных «коммунистической идее». Прав Бердяев: «Русский коммунизм... есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды».¹⁷

Вопрос о том, что такое русская идея и как ее воплотить, весьма актуален. На мой взгляд, ее основные положения раз-

виты в философии русского космизма с его центральным учением о всеединстве. Согласиться с мнением, что общее дело человечества, за которое взялась Россия, это вопрос «о телесном бессмертии», как полагает Л.В.Карасев, нельзя¹⁸. Вопрос о бессмертии обсуждается в рамках русской идеи, но не является его ядром.

Вредоносность же русского коммунизма не только в том, что он искал русскую идею, деформировал учение всеединства, но и в том, что он отдалил реализацию русской идеи. Именно проблема реализации актуальна сейчас. Прав А.Гулыга, говоря, что русский космизм сказал все, теперь дело за практиками, историческая миссия которых — воплотить русскую национальную идею, с которой россияне обращаются ко всему миру.

© В.Н.Дуденков, 1996.

Дуденков Владимир Николаевич доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета).

Примечания

- 1 Русская идея // Сб.: Русская идея. М., Республика. 1992. С.187.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С.204.
- 4 См.: Старый и новый мессианиззм // Сб.: Русская идея. С.25.
- 5 Сб.: Русская идея. С.321.
- 6 *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., Наука. 1990. С.268.
- 7 Там же. С.267.
- 8 Франк С.Л. Душа человека. М., 1917. С.56.
- 9 Статья зеркало души народа // Вопросы философии. 1989. С.113.
- 10 Noctes petropilitanal. Пг. 1922. С.106.
- 11 *Лосев А.Ф.* Русская философия // Век XX и мир. 1988, № 3. С.42.
- 12 Жизненный смысл христианства. Философский комментарий на учение о Логосе ап. Иоанна Богослова // Вопросы философии и психологии. 1900, кн. IV (54). С.624.
- 13 Там же. С.636.
- 14 Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии, 1990, № 6. С.118.
- 15 Столп и утверждение истины. М., 1990. С.818.
- 16 *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С.148.
- 17 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С.326.
- 18 Русская идея: символ и смысл // Вопросы философии. 1992, № 8.